

DOI 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-117-128

УДК [81'373.222+81'373.23]: 295.48

В. Ю. Крюкова

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9781-9105
E-mail: zorovictoria@gmail.com

**Люди и животные в авестийском Видевдате:
социальная градация и ее ритуальное оформление**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются засвидетельствованные в авестийском Видевдате иерархические перечни групп людей и ритуально значимых животных. В соответствии с зороастрийскими представлениями эти перечни обусловлены не только установленными нормами социальной градации, но следуют также представлению о количественном измерении «святости» человека или животного и, соответственно, степени подверженности осквернению. В наиболее общей картине зороастрийского мира, представленной в Авесте, человек не отделен от других живых существ, и в Авесте имеются обобщения, которые лежат вне иерархических идей. Так, в некоторых контекстах человек и животное различаются только количеством ног (Видевдат 15). В отдельных случаях списки социальной иерархии людей имеют соответствия среди хозяйственных животных, например, когда речь идет о натуральной стоимости лечения или ритуального очищения (Видевдат 7. 41–43; 9. 37–38). Видевдат 13 выделяет несколько разновидностей собак, наказание за причинение ущерба которым — согласно иерархическому ряду — соответствует степени их «святости». В том же фрагменте качества собаки сопоставляются с особенностями различных социальных групп людей (Видевдат 13. 44–48). Еще одним примером иерархического перечня служит количественное описание осквернения, поражающего членов общины в случае смерти одного из них; оно указывает на связь степени «святости» с местом в социальной иерархии (Видевдат 5. 27–37). В этом тексте список животных (собак) продолжает список людей, что говорит о неразделимости двух групп. Особый интерес представляют несоответствия в различных списках, позволяющие проследить развитие жреческой мысли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Авеста, Видевдат, зороастризм, социальные группы, животные, иерархия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Крюкова В. Ю. Люди и животные в авестийском Видевдате: социальная градация и ее ритуальное оформление. *Этнография*. 2020. 2 (8): 117–128. doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-117-128

V. Kryukova

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9781-9105
E-mail: zorovictoria@gmail.com

People and animals in the Avestan Videvdat: social gradation and its ritual legalization

ABSTRACT. The article examines hierarchical lists of groups of people and ritually significant animals attested in the Avestan Videvdat. In accordance with Zoroastrian notions, these lists are not only determined by the established norms of social gradation, but also follow the principle of quantitative measurement of the ‘sanctity’ of a person or animal and, accordingly, the degree of their exposure to desecration. In the most general picture of the Zoroastrian world presented in the Avesta, a person is not separated from other living beings, and in the text there are generalizations that lie outside of hierarchical ideas — thus, in some contexts a person and an animal differ only in the number of legs (Videvdat 15). In some cases, lists of the social hierarchy of people find parallels with those of farm animals—for example, when it comes to the natural cost of treatment or ritual cleansing (Videvdat 7. 41–43; 9. 37–38). Videvdat 13 identifies several varieties of dogs, the punishment for causing damage to which, according to the hierarchical series, corresponds to the degree of their ‘sanctity’. In the same chapter, the qualities of dogs are compared with the characteristics of various social groups of people (Videvdat 13. 44–48). Another example of a hierarchical list is a quantitative description of desecration that affects community members in the event of death of one of them, indicating a connection between the degree of ‘holiness’ and a place in the social hierarchy (Videvdat 5. 27–37). In this text, the list of animals (dogs) continues the list of people, which points to the inseparability of the two groups. The inconsistencies found in various lists appear to be of particular interest and allow us to trace the development of the priestly thought.

KEYWORDS:

Avestan Videvdat, Zoroastrianism,
social groups, animals, hierarchy

FOR CITATION:

Kryukova V. People and animals in the Avestan
Videvdat: social gradation and its ritual legalization.
Etnografia. 2020. 2 (8): 117–128. (In Russ.).
doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-117-128

В авестийском Видевдате засвидетельствовано несколько эпизодов, содержащих перечни, которые имеют отношение к социальной градации. Как правило, эти списки призваны указывать на определенное место членов зороастрийской общины в ритуальной жизни в зависимости от степени их «святости». Последняя связана с основной зороастрийской концепцией противостояния добра и зла, соответственно — истины и лжи, святого и скверного, чистого и нечистого и т. д. Особенностью Видевдата

можно, по-видимому, считать упоминание количественных характеристик «святости», которые проявляются не только в постулированном разделении общества на различные сословия, социальные группы, в установлении внутрисемейной иерархии, но и в конкретных числовых характеристиках. Они в памятнике могут быть выражены по-разному: в количестве ударов плетью (в случае наказания), в числе дней траура (в случае смерти родственника), в размере платы (например, за врачевание).

В наиболее общей картине зороастрийского мира, представленной в Авесте, человек не отделен от других живых существ. Отчасти это выражается в том, что человек — вместе со скотом и растениями — является одним из творений, в этой роли он представлен во время совершения зороастрийской литургии. Идеальный обитаемый мир легендарного иранского царя Йимы в авестийском Видевдате описан совокупностью «крупного и мелкого скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней» (Видевдат 2.8): *...pasuuṇmca staoranṇmca mašiiānṇmca sūnṇmca vaiiṇmca āθraṇmca suxraṇ saociṇṇmca*. (Ср. упоминающуюся в Гатах Заратуштры (Йасна 31.15, 45.9) общность «скот (и) мужи», *pasu vira*; см. также: (Воусе 1987)). Этот мир не разделен на сословия, он еще не знает социальных различий. И в Вар, укрытие Йимы, построенное наподобие Ноева ковчега для спасения мира от природного катаклизма, люди и животные отбираются не по их социальной принадлежности, а по физическому совершенству, отсутствию изъянов, которые представлялись зороастрийцам вмешательством сил зла в изначально созданное верховным божеством совершенство.

Среднеперсидский богословский трактат Бундахишн, отражающий значительно более позднюю, по сравнению с Авестой, эпоху (составлен в IX в. по Р.Х.), провозглашает единство созданного творцом мира, в котором все должны быть «одним целым». Согласно Бундахишну, творец провозглашает: «Я создал весь материальный мир равным, чтобы все были одним (целым), так как в мире много богатства и славы (для исполняющих [?]) свой долг» (Перевод О. М. Чунаковой. Зороастрийские тексты 1997: 299). Тем самым в этом пассаже прослеживается аллюзия на авестийский идеальный мир Йимы: совершенные существа равны в своем праве быть спасенными Йимой во время катаклизма, — они составляют «семенной фонд» будущего человечества.

В то же время Бундахишн развивает традиции и другой части Авесты — Висперада, посвященного так называемым всем главам, то есть возглавляющим разнообразные группы: божества, силы природы, животные и т. д. Висперад произносился жрецами (и произносится сейчас) во время совершения зороастрийской длинной литургии *Vendidād Sāda* попеременно с другими авестийскими текстами — Йасной и Видевдатом. Как слово *ratu-* ('период времени', 'сезон', 'глава'), так и сама литургия связаны с сезонными праздниками-гахамбарами (Malandra 2000–2013),

которые делили календарный год на шесть частей; их последовательность представляла собой, возможно, древнейший иранский солярный календарь.

В самом начале Висперада в числе других упоминаются *rātu*- животных: главы приводных, главы наземных, главыдвигающихся крыльями, главы самоходящих, главы выпасаемых (Висперад 1.1). Следуя авестийской традиции, Бундахишн приводит подробные перечисления различных групп — людей, животных, растений — с выделением «глав» внутри них. «Глава» занимает в своей группе более высокое иерархическое положение, однако в Бундахишне, повествующем о «сотворении основы», основной акцент делается на том, что главы получили свое место потому, что были созданы раньше других существ в своей группе. Так, «верблюд с белыми коленями был создан (первым), он — глава верблюдов... Первой из собак была сотворена светлая собака с желтой шерстью, она — глава собак» (Перевод О. М. Чунаковой. Зороастрийские тексты 1997: 298–299). Помимо людей и животных свои главы имеются, согласно Бундахишну, у предметов одежды (это ритуальный пояс *кусти*) и среди природных объектов (лесов, рек и пр.). При этом особо выделяются наиболее важные мифологемы, связанные с актом творения, — мировое древо, варианты мировой горы и вод, первый человек Гайомард: «О главенстве среди людей, животных и (всяких) вещей он [верховный бог Ахура-Мазда. — В. К.] говорит в Авесте, что из человеческих существ (первым) был создан Гайомард, светлый и белый, вода Ардвисура, которая величайшая вода Хванираса, стóит (всей воды) неба и земли...» (Там же: 298–299).

В отличие от Бундахишна, иерархия «первородства» не выражена в авестийском Видевдате, который в изложении идеи святости, как представляется, близок древнеиндийскому пониманию божественной потенции *асу* (Крюкова 2015: 57). Ею — подобно тому, как в зороастризме все благие творения наделены святостью, — обладают все живые существа, но в разной степени: «Бог, человек, зверь, дерево и т. д., может быть, и отличаются друг от друга в обыденной жизни, но все они наделены *асу* и поэтому суть одно и то же. Различия между ними носили скорее количественный, нежели качественный характер» (Дандекар 2002: 141). В Видевдате, когда речь заходит о животных, количественным показателем «святости» зачастую служит «полезность» того или иного существа. На этом принципе (а не только на принадлежности к той или иной группе и не исходя из «первородства», как в Бундахишне) строится и градация животных. Для людей, как правило, два показателя — степень святости и социальный ранг — совпадают.

Вместе с тем в Авесте имеются обобщения, которые лежат вне иерархических идей. В некоторых контекстах человек и животное различаются только количеством ног, особенно когда речь идет о нуждающейся в опеке произведшей потомство женщине и собаке (Видевдат 15): «весь женский

пол — двуногих и четвероногих» (*bipaitištānaca caθβarə.paitištānaca*)¹. Для обозначения пола людей и животных в Видевдате зачастую используется одна и та же лексика, например, термины «самка, женщина» (*strī-*) и «самец, мужчина» (*nar-*) употребляются по отношению как к людям, так и к животным. Такая ситуация характерна для Авесты в целом и для Видевдата в частности. Поэтому неудивительно, что Видевдат представляет нам общие списки социальной иерархии, включающие и людей, и животных. В этих списках последовательность выстраивается в соответствии со святостью и ценностью (для зороастрийской религии) конкретных представителей той или иной группы.

Так, в этом памятнике повсеместно рядом упоминаются близкие (с зороастрийской точки зрения) по степени святости творения — человек и собака. Видевдат 13 выделяет несколько разновидностей собак, хозяйственная и ритуальная ценность которых определяется специализацией. К группе собак памятник относит еще несколько животных, которые считались полезными с хозяйственной точки зрения, — выдру, ежа, лисицу, дикобраза (попадание в список первых трех объяснимо — они уничтожают вредителей; дикобраз, вероятно, попал по более или менее очевидному внешнему сходству с ежом). При этом каждая разновидность соответствует сословному или имущественному рангу человека: собака, стерегущая скот, приравнивается к хозяину знатного дома, собака, стерегущая дом — к хозяину среднего дома, охотничья (?) собака — к жрецу (*атравану*), молодая собака — к несовершеннолетнему (Видевдат 13. 20–23):

13.20. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую скот, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина знатного дома, настолько согрешит.

13.21. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую дом, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина среднего дома, настолько согрешит.

13.22. О создатель плотского мира, праведный! Кто охотничью собаку обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей пришедшего к нему в дом столь праведного мужа, обладающего теми же качествами, что и *атраван*, настолько согрешит.

¹ Такая же картина наблюдается в ведических текстах; обозначение людей и животных как двуногих и четвероногих известно и в других древних индоевропейских языках (Гамкрелидзе, Иванов 1985: 473–474).

13.23. О создатель плотского мира, праведный! Кто молодую собаку обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей ребенка («несовершеннолетнего»), посвященного в правила веры, который трудясь исполняет службу, настолько согрешит.

Тема иерархии в мире собак поддерживается и в других фрагментах Видевдата. Так, в том же тринадцатом фрагменте обсуждается — согласно иерархическому ряду — наказание за причинение ущерба здоровью собак различных специализаций и, соответственно, разных степеней святости (Видевдат 13. 10–16). Неоднократно отмечался фантастический характер этих наказаний, который, возможно, свидетельствует о том, что они не применялись в реальной практике или уже на момент компиляции авестийского Видевдата выражались в денежном эквиваленте — описание последнего приводится в среднеперсидском комментированном переводе памятника. Так, за убийство пастушьей собаки авестийский Видевдат 13 предписывает нанести виновному восемь сотен ударов плетью, за убийство ежа — тысячу ударов. Тому, кто плохо кормит пастушью собаку, следует нанести двести ударов плетью, стерегущую дом собаку — девяносто ударов и т. д.

В сопоставлении разновидностей собак и социальных рангов людей, представленном в процитированном Видевдате 13. 20–23, неожиданным является тот факт, что в «списке» людей произошло смешение имущественной, сословной и возрастной иерархий. Первым по значимости упомянут хозяин знатного дома, вторым — среднего по достатку дома, третьим — жрец, четвертым — несовершеннолетний. Эта последовательность не соответствует обычным авестийским иерархиям и (по крайней мере, на первый взгляд) указывает на отсутствие у компиляторов 13-й главы интереса к смысловому содержанию текста или ошибку. Другой пассаж того же Видевдата 13 предлагает иной список, где находятся соответствия между собаками и людьми; в нем очевидна обычная для Авесты градация: 1). жрец, 2). воин, 3). крестьянин (и далее другие группы):

13.44. Собака одна, [а] сравнима с восемью [существами]: у нее нрав, как у *атравана*, у нее нрав, как у воина, у нее нрав, как у крестьянина, у нее нрав, как у раба, у нее нрав, как у вора, у нее нрав, как у зверя, у нее нрав, как у девки, у нее нрав, как у ребенка.

13.45. Пищу ест, как *атраван*, неприхотлива, как *атраван*, беззащитна («легко ранима»), как *атраван*, довольна и малой долей, как *атраван*, — в этом ее нрав, как у *атравана*. Держится впереди, как воин, сражается за скот благодатный, как воин, [она] перед [домом] и позади дома, как воин, — в этом ее нрав, как у воина.

13.46. Бдительная, спящая чутко, как крестьянин, [она] перед [домом] и позади дома, как крестьянин, [она] позади и перед домом, как крестьянин, — в этом ее нрав, как у крестьянина. Угодливая, как раб, коварная, как раб, [поющая?] стихами(?) и трехстишиями(?), как раб, — в этом ее нрав, как у раба.

13.47. Ждущая темноты, как вор, промышляющая ночью, как вор, вслепую хватаящая пищу, как вор, ненадежная, как вор, — в этом ее нрав, как у вора. Ждущая темноты, как зверь, промышляющая ночью, как зверь, вслепую хватаящая пищу, как зверь, ненадежная, как зверь, — в этом ее нрав, как у зверя.

13.48. Угодливая, как девка, коварная, как девка, гадящая на дороге, как девка, [поющая?] стихами(?) и трехстишиями(?), как девка, — в этом ее нрав, как у девки. Сонливая, как ребенок, слюнявая, как ребенок, высывающая язык, как ребенок, забегающая вперед, как ребенок, — в этом ее нрав, как у ребенка.

Этот пассаж отличается стилистически от Видевдата 13. 20–23 и более адекватно передает сословную схему, представленную в различных частях Авесты. В самом Видевдате она (косвенно) также приводится, например, в четырнадцатой главе (Видевдат 14. 8–10). Эта схема многократно обсуждалась и была подробно рассмотрена еще в классической работе Бенвениста (Benveniste 1930; Бенвенист 1995: 187–195), изучившего индо-иранские соответствия в области социальных статусов. Согласно Авесте, наиболее высокий статус имеет жрец-*атраван*, затем следуют воин и земледелец. Иногда к этим трем добавляется четвертое сословие — ремесленник, что, возможно, свидетельствует о развитии общества и, соответственно, более поздней датировке конкретного текста (Воусе 1987; см. также: Rezania 2015; 2017: 339ff).

Другая градация, социально-территориальная, названная Бенвенистом «четырьмя кругами социальной принадлежности» (Бенвенист 1995: 196–197), оперирует терминами «дом», «род», «племя», «страна», которые, как правило, в авестийских текстах выстраиваются в иерархический ряд. Именно она (правда, тоже лишь частично) попала в первый список соответствий людей и собак (Видевдат 13. 20–23).

Смешение иерархических последовательностей наблюдается и в Видевдате 7. 41–43 (ср. Видевдат 9. 37–38). В седьмом фрагарде речь идет о врачевателях и методах лечения, допустимых по отношению к членам зороастрийской общины. В той части текста, которая касается платы за лечение, приводится очередное соответствие между различными социальными группами людей и разными по ценности домашними животными. Таким образом, Видевдат излагает две не соответствующие друг

другу градации параллельно (1). жрец, хозяин дома, владетель имения, глава рода, владетель области, правитель страны и 2). жена хозяина дома, жена главы рода, жена правителя страны), а также списки животных:

7.41. Ученого *атравана* пусть лечит за благословение, хозяина дома пусть лечит за стоимость крупного скота наименьшей цены, владетеля имения пусть лечит за стоимость крупного скота средней цены, главу рода, владеющего областью, пусть лечит за стоимость крупного скота наивысшей цены, правителя страны пусть лечит за колесницу, четверкой запряженную.

7.42. Соразмерно первому [перечню], жену хозяина дома пусть лечит за стоимость ослицы, жену главы рода пусть лечит за стоимость кобылы, жену правителя страны пусть лечит за стоимость верблюдицы.

7.43. Сына главы рода пусть лечит за стоимость крупного скота наивысшей цены, крупный скот наивысшей цены пусть лечит за стоимость крупного скота средней цены, крупный скот средней цены пусть лечит за стоимость крупного скота наименьшей цены, крупный скот наименьшей цены пусть лечит за стоимость овцы, овцу пусть лечит за стоимость мясного кушанья.

Этот фрагмент интересен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, жрец-*атраван* не имеет в нем соответствия, указывающего на наличие у него семьи. Это совершенно не характерно для зороастризма, в котором не засвидетельствовано никакой склонности к аскезе в любых проявлениях и пропагандируется лишь разумная умеренность. Во-вторых, *атраван* снова (как и в Видевдате 13. 20–23) занимает как будто бы низкое положение (формально перед хозяином дома), что не соответствует «классической» авестийской и древнеиндийской схеме, возводящей жрецеское сословие на вершину иерархии. Правда, при этом жрец фактически освобождается от платы за лечение — достаточно лишь его благословения. Но не означает ли это, что речь идет о жреце, не имеющем средств, — что опять-таки не соответствовало бы зороастрийским представлениям?

Рассматривавший в специальной статье пассажи из Видевдата 7 о целителях А. Кантера обратил внимание на то, что «достаточно странно, что жрецы являются единственным классом, исключенным из списка оплаты скотом и не соотношенным с женой и детьми» (Cantera 2004: 6–7). Однако он сосредоточил усилия на выявлении несоответствий другого рода и для восстановления предполагаемого «изначального списка оплаты» сравнивал Видевдат 7. 41–43 с пассажами 9. 37–38, содержащими сходный перечень социальных групп и животных. В последнем тексте речь идет о плате за совершение ритуального очищения, которая взимается с *атравана* благословением, с правителя страны — верблюдом, с правителя области — конем, с владетеля имения — быком, с хозяина

дома — дойной коровой. Таким образом, Видевдат 9. 37–38 предлагает иную иерархическую последовательность, при которой, несмотря на то что предписанная плата за лечение жреца — лишь благословение, он занимает положение, предшествующее правителю страны и, следовательно, более высокое (или находящееся вне имущественной иерархии), чем у других представленных социальных категорий.

Еще одним примером иерархического перечня служит описание осквернения (оно представлено демонессой Друхш-йа-Насу), поражающего членов общины в случае смерти одного из них. На самом деле этот список следует рассматривать скорее как указывающий на связь степени святости с местом в социальной иерархии. Обычное перечисление основных древнеиранских сословий — жреца, воина, крестьянина — компиляторы продолжают перечислением собак и причисляемых к ним животных: так же, как и человек, они являются благами творениями Святого Духа. По мере понижения социального ранга уменьшается измеримая степень святости существа, пока дело не доходит до собаки-лисицы, смерть которой оскверняет только убившего ее. Следовательно, среди упомянутых зороастрийских «праведных» творений ее святость минимальна. Такой подход, указывающий на степень святости как основу социальной иерархии, подчеркивает упоминание в финале этого эпизода пятого фрагарда Видевдата еретика, смерть которого вообще не оскверняет, поскольку скверну он несет в себе и загрязняет («смешивается», «заражает») его праведный мир при своей жизни:

5.27. О создатель плотского мира, праведный! Если мужи соседствующие опустятся вместе на ложа, на изголовья ли вместе, и будет их там рядом два человека, или пять, или пятьдесят, или сто с женами, и вот из этих мужей один умрет, скольких мужей Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настигает?

5.28. И сказал Ахура-Мазда: Если же на жреца Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то одиннадцать настигает, десять заражает. Если же на воина Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то десять настигает, девять заражает. Если же на пастуха-крестьянина Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то девять настигает, восемь заражает.

5.29. А если на собаку, стерегущую скот, Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то восьмерых настигает, семерых заражает. Если на собаку, стерегущую дом, Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то семерых настигает, шестерых заражает.

5.30. А если на охотничью собаку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то шестерых настигает, пятерых заражает. Если на молодую собаку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то пятерых настигает, четверых заражает.

5.31. А если на «собаку» дикобраза Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то четверых настигает, троих заражает. Если на «собаку» ежа Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то троих настигает, двоих заражает.

5.32. А если на «собаку» ласку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то двоих настигает, первого заражает. Если на «собаку» ласку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то первого настигает, первого заражает.

5.33. О создатель плотского мира, праведный! А если это будет «собака» лисица, с каким числом созданий Святого Духа [труп] этой «собаки», что лисица, смешивается, скольких заражает?

5.34. И сказал Ахура-Мазда: [Труп] этой «собаки», что лисица, с созданиями Святого Духа не смешивается, их не заражает, за исключением того [человека], кто ее бьет и убивает, — к нему пристаёт [осквернение] во веки веков.

5.35. О создатель плотского мира, праведный! А если это будет коварный лживый двулапый, вроде еретика несправедного, с каким числом созданий Святого Духа [его смерть] смешивается, скольких заражает?

5.36. И сказал Ахура-Мазда: [Его труп], как жаба иссохшая, больше года как мертвая. Ведь при жизни, о Спитама Заратуштра, коварный лживый двулапый, вроде еретика несправедного, с созданиями Святого Духа смешивается, при жизни заражает.

5.37. При жизни воду убивает, при жизни огонь задувает, при жизни захваченный скот угоняет, при жизни мужа праведного отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», убивает, а не когда мертв.

Необходимо учитывать, что текст Видевдата носит фрагментарный характер, содержит много ошибок, противоречивую информацию. Тем не менее сопоставление иерархических списков, отражающих социальную градацию и определяющих хозяйственную и ритуальную ценность животных, представляется довольно интересным и информативным. Трудно сказать, являлись ли «неправильные» списки ошибкой компиляторов, для которых авестийский язык был уже мертвым, или они говорят

об изменениях, происходивших в зороастрийской общине в момент либо создания, либо компиляции текста. В свое время Бенвенист подчеркивал, что сословное разделение на жреца, воина, земледельца нельзя смешивать с «политическим подразделением, охватывающим все общество», — страна, племя, род, дом (Бенвенист 1995: 196–197). Видевдат показывает нам, что такое смешение было возможным уже в древности, во всяком случае во время составления и редактирования этого памятника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 частях. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Дандекар Р. Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М.: Восточная литература, 2002.

Зороастрийские тексты / Изд. подготов. О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 1997.

Крюкова В. Ю. Градации осквернений и системы искупительных жертв как отражение социальной дифференциации в авестийском Видевдате // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике: Миф и формы его отражения в ритуальной практике. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 55–63.

Benveniste E. La préhistoire indo-iranienne des castes // *Journal Asiatique*. 1930. P. 109–130.

Boyce M. Avestan People // *Encyclopaedia Iranica* (online). 1987. URL: www.iranicaonline.org/articles/avestan-people (дата обращения: 02.04.2020).

Cantera A. Medical Fees and Compositional Principles in the Avestan *Vīdēvdād* // *Nāme-ye Irān-e Bāstān*. 2004. № 4/1. P. 1–17.

Malandra W. W. Visperad // *Encyclopaedia Iranica* (online). 2000–2013. URL: www.iranicaonline.org/articles/visperad (дата обращения: 02.04.2020).

Rezania K. On the Old Iranian Social Space and Its Relation to The Time Ordering System // *Studies on the Iranian World I. Before Islam*. Kraków: Jagiellonian University Press, 2015. P. 177–190.

Rezania K. Raumkonzeptionen im früheren Zoroastrismus. Kosmische, kulturische und soziale Räume. (Iranica. Neue Folge. Bd. 14). Harrassowitz: Wiesbaden, 2017.

REFERENCES

Benvenist E. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow: Progress-Univers Publ., 1995. (In Russian).

Benveniste E. La préhistoire indo-iranienne des castes. *Journal asiatique*, 1930, pp. 109–130. (In French).

Boyce M. Avestan People. *Encyclopaedia Iranica* (online). 1987. Available at: www.iranicaonline.org/articles/avestan-people (accessed: 02.04.2020). (In English).

Cantera A. Medical Fees and Compositional Principles in the Avestan Vīdēvdād. *Nāme-ye Irān-e Bāstān*, 2004, no. 4/1, pp. 1–17. (In English).

Dandekar R. N. *Ot ved k induizmu: Evolyucioniruyushchaya mifologiya* [From the Vedas to Hinduism: Evolving Mythology]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. (In Russian).

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropejskij yazyk i indoevropejcy. Rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury (v dvuh chastyah)* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of the proto-language and protoculture (in two parts)]. Part 2. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo Univ. Publ., 1984. (In Russian).

Kryukova V. Yu. [Grades of desecration and the system of atoning sacrifices as a reflection of social differentiation in the Avestan Videvdat]. *Real'nye i znakovye formy social'noj differenciacii v arhaike: Mif i formy ego otrazheniya v ritual'noj praktike* [Real and iconic forms of social differentiation in the archaic: Myth and forms of its reflection in ritual practice]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2015, pp. 55–63. (In Russian).

Malandra W. W. Visperad. *Encyclopaedia Iranica* (online). 2000–2013. Available at: www.iranicaonline.org/articles/visperad (accessed: 02.04.2020). (In English).

Rezania K. On the Old Iranian Social Space and Its Relation to The Time Ordering System. *Studies on the Iranian World I. Before Islam*. Kraków: Jagiellonian University Press, 2015, pp. 177–190. (In English).

Rezania K. *Raumkonzeptionen im früheren Zoroastrismus. Kosmische, kulturische und soziale Räume*. (Iranica. Neue Folge. Bd. 14). Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. (In German).

Submitted: 14.06.2019

Accepted: 10.04.2020

Article is published: 01.07.2020